

Ю. Ю. Черноскотов

РОБЕРТ ЦИММЕРМАНН И СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ ПРЕДМЕТА*

Резюме: В статье рассматриваются контекст и обстоятельства становления логической теории предмета в трудах австрийского философа Роберта Циммерманна. Дается общий обзор его логической теории, анализируется эволюция восприятия идей Больцано в развитии логико-философского учения Циммермана, а также его влияние на формирование специфики австрийской логической традиции.

Ключевые слова: Циммерманн, Больцано, теория предмета, история логики в Австрии.

Yuri Chernoskutov

ROBERT VON ZIMMERMAN AND FORMATION OF THE THEORY OF OBJECT

Resume: The paper considers historical and philosophical context of the appearance of object theory in the works of the Austrian philosopher Robert Zimmermann. The general outline of his logical doctrine is given; the development of his ideas on logic and philosophy is analyzed with respect to the evolution of his reception of Bolzano theories. The special attention is paid to his role and influence inside the Austrian logical tradition.

Key words: Zimmermann, Bolzano, object theory, history of logic in Austria.

1. Введение

Роль теории предмета в становлении современной логики последнее время привлекает все более пристальное внимание исследователей. Автор предлагаемой работы уже указывал, что теория предмета была характерна прежде всего для австрийской логико-философской традиции, и исследовал некоторые концептуальные параллели между этой традицией и взглядами Г. Фреге [Черноскотов 2010; Chernoskutov

Черноскотов Юрий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры логики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Yuri Chernoskutov, PhD, docent, department of logic, Saint-Petersburg State University.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15-03-00321a.

2013]. Другими авторами рассматривались поздние этапы развития теории предмета в логике [Микиртумов 2015] и предпринимались попытки теоретических обобщений, в том числе относительно ее потенциала для развития некоторых неклассических логик [Лисанюк 2012]. Здесь мы хотели бы остановить внимание на одном из ключевых моментов становления теории предмета, связанном с работами ученика Б. Больцано, многолетнего профессора Венского университета Роберта Циммерманна (1824–1898).

Его отец Иоганн Август, поэт и учитель гимназии в Праге, был учеником и другом Бернарда Больцано. С 1840 г. Роберт слушал в Пражском университете лекции гербартианца Франца Экснера по философии. Тот тоже был другом и корреспондентом Б. Больцано. В 1844 г. отец Роберта получил назначение в Вену, куда и переехал вместе с сыном. Таким образом, Роберт мог находиться в тесном и продолжительном личном контакте с Больцано всего два года: с 1842 (когда последнему было разрешено вернуться в Прагу) по 1844 г. (до переезда семьи Циммерманов). Поэтому роль Больцано в формировании взглядов молодого человека, который к моменту их знакомства уже два года посещал Карлов университет в Праге, не стоит преувеличивать. Во всяком случае, представляется несомненным, что Циммерманн обязан ему, по крайней мере, значительной частью своего математического образования.

В 1840-е годы молодой Циммерманн отдал дань поэтическим увлечениям. Между 1841 и 1847 гг. он публиковал в пражском журнале «Восток и Запад» сонеты и баллады, а также мировоззренческую и политическую лирику. В 1845 г., еще будучи студентом, анонимно издал за границей сборник революционных свободолюбивых стихов «Guerillaskrieg». Его политическая позиция, выраженная в поэзии, отличалась колебаниями. В пражский период он стремился занять примирительную позицию по отношению к чехам, но в венских стихах 1848 г. — траурном «Мартовским павшим», а также в стихотворении, красноречиво озаглавленном «Deutschland ueber Alles», — он солидаризовался с великогерманским направлением, что вызвало, как минимум, временное охлаждение в отношениях с чешскими друзьями Больцано.

Закончив образование уже в Венском университете, Роберт в мае 1846 г. устроился ассистентом Карла Людвиг Люттрова в университетскую обсерваторию. В ноябре 1849 г. он получил должность экстраординарного профессора философии в университете г. Ольмюц. В инаугурационной лекции Циммерманна в Ольмюце прозвучали часто цитируемые биографами слова, которые, видимо, должны свидетельствовать о том, что его националистические увлечения остались в прошлом: «Наука не имеет национальности; зарождается ли мысль в германской, романской или славянской голове — не может иметь никакого влияния на ее ценность и истину, она не имеет свидетельства о рождении, она всюду дома» [Stachel 1998: 158]. С 1852 г. он служил профессором философии в Карловом университете в Праге¹, а с 1861 г. и до выхода на пенсию в 1895 — в Венском.

¹ Стоит заметить, что при этом он занял место, ставшее вакантным после увольнения чешского философа-гегельянца Гануша — по политическим мотивам. Университет же в Ольмюце через несколько лет после того, как его покинул Циммерманн, был просто закрыт, став жертвой политических интриг.

Трудно судить о том, насколько верным больцанистом был Циммерманн в начальный период своей научной карьеры. Во всяком случае, публикаций, специально посвященных развитию каких-либо теорий Больцано, он в этот период не оставил. В Вене он окончательно становится адептом философии Гербарта, с которой его еще в Праге начал знакомить Ф. Экснер. Причем знакомство было столь эмоциональным, что в 1841 г. юный Роберт посвятил незнакомому философу отдельное стихотворение. Его первой публикацией стала рецензия 1846 г. на работу Экснера «Об универсальной характеристике Лейбница» (которая и послужила хабилитацией для назначения в Ольмюц). Больцано в ней упоминается так же часто, как и Гербарт. Знаменательно, что в заслугу своему первому наставнику он ставит то, что тот пытался не просто переработать логику методами математических исчислений, но построить чисто логическое исчисление, зачатки которого Циммерманн усматривает в больцановском методе вариации представлений. В 1847 г. он публикует свой перевод монадологии Лейбница вместе со статьей «Теории действительного явления Лейбница и Гербарта». Его следующая работа «Лейбниц и Гербарт. Сравнение их монадологий» (1849) была удостоена первой премии Датского научного общества в Копенгагене. Сама тема этого исследования уже достаточно далека от проблематики, интересовавшей Больцано, поэтому неудивительно, что тот в ней ни разу не упоминается. Тем не менее однажды он довольно неожиданно пытается усовершенствовать одну из теорий Гербарта добавлением «предложений в себе». Пожалуй, даже этот краткий обзор красноречиво свидетельствует о том, что во второй половине 1840-х годов философия Гербарта привлекала его все больше, безоговорочно вытесняя интерес к философии Больцано, если тот вообще когда-либо имелся. В 50-е же годы он не только окончательно становится последовательным гербартианцем, меняется и основная область его научных интересов: они полностью сосредотачиваются на эстетике, свидетельством чего служит, в числе прочего, 800-страничный первый том «Истории эстетики», вышедший в 1858 г.

Вопрос о роли Циммермана в трансляции больцанизма в австрийской философии и, в частности, в школе Ф. Brentano является дискуссионным. С одной стороны, среди больцановедов распространено негативно-пренебрежительное отношение к Циммерману, которое объясняется безответственным отношением последнего к рукописям Больцано. Последний, незадолго до смерти, передал ему значительную часть своих математических рукописей для подготовки к публикации. Заметим, для контраста, что рукопись «Парадоксов бесконечности», которая оказалась в распоряжении Пржигонского, была опубликована уже в 1851 г. В распоряжении же Циммерманна имелась незавершенная работа Больцано «Учение о величине» (*Grossenlehre*). К сожалению, он оставил эти материалы без внимания и только в 1882 г. передал их в распоряжение Королевской Академии наук в Вене. В результате циммермановская часть математического наследия Больцано начала публиковаться частями только в 1920-х, уже при поддержке Академии наук нового государства, образовавшегося на обломках империи — Чехословакии, и затянулась до 1970-х годов. Но, с другой стороны, Циммерман, перестав заниматься математикой, более тридцати лет читал лекции

по философии в Венском университете, включая и тот период, когда в Вене блистал Ф.Брентано. Есть ряд свидетельств, что именно Циммерман стал главным ретранслятором логико-философских идей Больцано среди учеников Брентано. Во всяком случае, фактом является то, что сам Брентано возлагал ответственность за «больцанистский уклон» некоторых своих учеников именно на Циммерманна.

Далее мы бы хотели уделить внимание роли Циммермана в становлении теории предмета, а также контексту и обстоятельствам появления этой теории в его работах.

2. Первое издание «Философской пропедевтики»: теория предмета в философии

Одним из результатов реформы образования в Австрийской империи, проводившейся на волне преобразований, вызванных к жизни революцией 1848 г., стало введение в учебную программу гимназий новой дисциплины — «Введение в философию», состоявшей из двух частей: «Эмпирическая психология» и «Формальная логика». Учебник по этому предмету было поручено написать Р. Циммерманну. Первая часть вышла в 1852 г., вторая — в 1853 г. «Формальная логика» Циммермана представляла собой добросовестное воспроизведение логических идей Больцано, многие его формулировки воспроизведены дословно и настолько пространно, что иногда Циммерманна обвиняли в плагиате. Современный австрийский исследователь Э. Моршер, который провел тщательное сопоставление работ Больцано и Циммерманна, насчитал 16 (!) теорий, многие состоят из длинного списка подтеорий, полностью заимствованных автором учебника у своего учителя [Morscher 1997]. Даже если эти обвинения правомерны, в оправдание автора можно заметить, что заимствование происходило в полном взаимном согласии с Больцано, который при жизни постоянно просил своих друзей и учеников свободно использовать его учение без указания на источник; имя Больцано было все еще под запретом, и это препятствовало распространению его идей.

В известном смысле именно в учебнике Циммермана впервые появляется теория предмета. Причем появляется она благодаря тому, что автор «Формальной логики» в одном месте неожиданно отклоняется от добросовестного изложения «Учения о науке». Дело в том, что в центре внимания Б. Больцано находилась теория объективных представлений в себе [Vorstellung an sich], которые он призывал отличать, с одной стороны, от мыслимых представлений, а с другой стороны — от предметов, которые им соответствуют. При этом, действительно, одной из важнейших характеристик таких представлений в себе была предметность [Gegenstandlichkeit]. В частности, они делились на предметные и беспредметные. Последние, согласно авторским разъяснениям, могут быть случайно беспредметными (например, золотая гора) либо вообще беспредметными (круглый квадрат) [Bolzano 1837: Bd 1, S.297, 304–306]. Но попытки классифицировать сами предметы и тем более предметы беспредметных представлений Больцано не предпринимает. Насколько можно судить, именно Циммерман

впервые берется за это на страницах второго тома «Пропедевтики». Соответствующее рассуждение Циммерманна таково: «Каждое представление представляет нечто, что отлично от него самого; ...То, что оно представляет, может быть либо действительным предметом, например, деревом, либо недействительным, но при этом либо возможным, например, золотая гора, либо невозможным, например, круглый квадрат» [Zimmermann 1853: 9]. Лишь после этого он классифицирует сами представления — на основе того, какие из перечисленных предметов им соответствуют. Можно заметить, что дополнение больцановской теории представлений циммермановской теорией предмета делает бессмысленным один из ключевых замыслов Больцано. Для него различение представлений на те, которым соответствует предмет, и те, у которых никакого предмета нет и не может быть, является принципиальным. Он считает, что многие ошибки в философии возникают из-за смешения представления и его предмета. В случае беспредметного представления подобная ошибка совершается особенно легко. А в разделе, посвященном уже предложениям в себе, он, например, утверждает, что предложения, включающие в себя беспредметные представления, не имеют никакой ценности для науки.

Таким образом, именно Циммерман впервые предпринимает попытку каждому представлению (включая беспредметное!) поставить в соответствие предмет. Теперь можно только гадать, было ли это сделано осознанно: действительно ли он имел в виду построить классификацию предметов, которая включала бы несуществующие предметы, или просто недостаточно внимательно прочитал и, как следствие, неточно пересказал соответствующие отрывки из труда своего учителя, ответ на этот вопрос мы уже вряд ли получим. Но фактом остается то, что теория предмета представления, образно выражаясь, издала свой первый крик в 1853 г., со страниц «Формальной логики» Р. Циммерманна. В дальнейшем, как хорошо известно, теория несуществующего предмета стала одной из важнейших проблем в философии К. Твардовского и особенно резонансно прозвучала у А. Мейнонга. Оба они были учениками Ф. Brentano, но формальным научным руководителем Твардовского был Циммерманн; кроме того, некоторые содержательные моменты их философий предмета слишком очевидно отклоняются от тезисов теории интенционального предмета Brentano в направлении циммерманновских некоторых положений.

3. Второе издание «философской пропедевтики»: теория предмета в логике

Ко второму изданию 1860 г. учебник Циммермана претерпел существенные изменения. Многие больцановские темы и определения уступили место столь же добросовестным пересказам логических теорий И. Ф. Гербарта или его последователей².

² После 1849 г. философия Гербарта получила в Австрийской империи статус официальной, во многом благодаря усилиям Ф. Экснера, который возглавил руководство реформой образования. По сути, философия Гербарта в Австрии занимала такое же место, как философия Гегеля в Пруссии.

В частности, это относится к разъяснениям о природе категорического суждения, особенностях связи между субъектом и предикатом, а также о тождестве между категорическим и гипотетическим суждениями, все они почти дословно воспроизводят рассуждения Гербарта.

Во введении ко второму изданию мы встречаем явно выраженные тезисы о необходимости очищения логики от психологических элементов, поддержку чему автор находит в труде Штрюмпеля, ученика Гербарта. По признанию Циммермана, именно руководство по логике последнего оказало решающее влияние на изменение формы изложения во втором издании. Он заранее отмечает обвинения в том, что, отказавшись от больцановской терминологии (по-прежнему без упоминания его имени), он изменил свои взгляды. Как и прежде, он стремится обеспечить объективность научного знания. Но если раньше он достигал этого с помощью больцановского понятия «представления в себе», то теперь он предпочитает достигать той же цели, используя модифицированную терминологию Гербарта и Штрюмпеля. Насколько можно судить, именно Циммерман во втором издании пропедевтики впервые, на четверть века раньше, чем Фреге, принимает решение называть представление в логическом смысле понятием, а представление в психологическом смысле — собственно представлением. Повторяя вслед за Гербартом, что философия как понятийная наука занимается обработкой понятий, он утверждает, что всеобщая (чистая) логика, осуществляя первичную их обработку, представляет собой учительницу всех наук.

Этот тезис очень тесно связан с одним из немногих, но крайне важных следов частичной приверженности философии Больцано — стремлением к тому, чтобы общая чистая логика была учением о науке [Wissenschaftslehre]. Это подкрепляется тем, что исследуемые логические формы обладают не только правильностью, но и значимостью [Giltigkeit]. Данная характеристика играла важную роль и в логической теории Больцано, но мы не можем утверждать, что Циммерман использует этот термин в том же смысле и с той же целью, что Больцано.

Что же касается теории предмета, она тоже появляется во втором издании, но несколько в другом смысле и по другому поводу: приступив, после объяснения природы понятия (практически в полном соответствии с учением Гербарта), к описанию его свойств, автор первым делом указывает следующие характеристики: во-первых, это содержание (то, что в понятии мыслится), а во-вторых, его предмет (то, на что понятие указывает) [Zimmermann 1860: 19].

Стоит заметить, что некоторые соображения о предмете понятия и раньше включались в тексты логических трактатов, особенно в школе Гербарта. Например, в учебнике упоминавшегося гербартианца Штрюмпеля содержится такое рассуждение: «Ни в коем случае не следует воображать, будто логическое понятие может быть сущностным или реальным как предмет, на который оно указывает. Вообще нельзя смешивать понятие как нашу мысль с тем, что называют объектом понятия... Эта ошибка имеет своим основанием то, что в то время как вещи и события, будучи многими, отличаются друг от друга, только понятие является одним и тем же, что ведет к заблуждению принимать понятие за реальность» [Strümpell 1847: 27]. Но только у Циммермана это приобрело категориальный статус, как необходимая

характеристика понятия, и вслед за ним стало систематически воспроизводиться в австрийских работах по логике.

Согласно его разъяснениям, между содержанием и предметом нет ничего общего, кроме того, что предмет мыслится через содержание. Достойно упоминания также и то, что ни предмет понятия, ни его содержание, не взаимозаменяемы со словом, обозначающим понятие [Zimmermann 1860: 24].

В свою очередь, в содержании Циммерман предлагает различать материю и форму. Взаимосвязь между последними он выражает формулой

$$F(a, b, c \dots),$$

где F — форма понятия, $a, b, c \dots$ — части его содержания.

Это различие, по мнению автора, имеет смысл только для составных понятий; у простых понятий формы нет, содержание — его единственная составная часть.

Известный пример Больцано, связанный с парой понятий «ученый сын неученого отца» и «неученый сын ученого отца» он трактует как понятия, имеющие одинаковое содержание, но разную форму. С помощью своих формул этот пример Больцано Циммерман выражает так. Первому понятию соответствует формула

$$F(a, b, c),$$

второму

$$G(a, b, c).$$

Другими словами, имея одинаковое содержание a, b, c , эти понятия различаются формой, что выражается в использовании различных «функциональных» символов F и G . С другой стороны, понятия «равносторонний треугольник» и «равносторонний четырехугольник» имеют одинаковую форму, но разное содержание, что можно зафиксировать с помощью формул

$$F(a, b, c) \text{ и} \\ F(m, n, o).$$

Благодаря этому различению все отношения между понятиями, описываемые в традиционной логике, в книге Циммерманна могут обсуждаться только для понятий с одинаковой формой. Так, допустим, имеется ряд понятий:

$$F(a, b); F(a, b, c); F(a, b, d, e); F(a, b, f, g, h) \text{ и т. д.}$$

Все эти понятия имеют одинаковую форму F , в то время как их содержания различны, но имеют совпадающие части. Совокупность этих одинаковых частей содержания — (a, b) — может рассматриваться как отдельное понятие, поэтому приведенный ряд формул может быть переписан следующим образом:

$$F(a, b) [1, F(c); F(d, e); F(f, g, h) \text{ и т. д.}],$$

где $F(a, b)$, будучи общей составной частью всех этих понятий, называется подчиняющим, все остальные — подчиненными понятиями, а сумма последних образует объем первого.

Если же из каждого из входящих в этот ряд понятий удалить общую часть $F(a, b)$, то мы получим совокупность соподчиненных понятий. В случае, если члены полученного таким образом ряда исключают друг друга, их можно назвать дизъюнктами. Полученный в итоге результат Циммерманн фиксирует следующей формулой:

$$F(a, b), [1 + F(c) + F(d, e) + F(f, g, h) + \dots].$$

Закон обратного отношения между объемом и содержанием тоже имеет силу только для понятий, имеющих одинаковую форму. Обозначив объем понятия A как $U(A)$, Циммерманн расширяет его следующим образом:

$$U(A) = U[F(a, b, c)] = F(a, b, c, d) + F(a, b, c, e) + F(a, b, c, f) = \\ \Sigma F(a, b, c) [F(d) + F(e) + F(f)].$$

Если теперь удалить из содержания понятия A составную часть c , или, как выражается автор, «положить $c = 0$ », то к этой сумме, представляющей объем понятия A , «добавятся все те понятия, которые включают составные части a, b , но не включают c »:

$$U(A) = U[F(a, b)] = \Sigma F(a, b) [F(c, d) + F(c, e) + F(c, f) + F(g, h) + F(i, k)] \\ [Zimmermann 1860: 30].$$

Давая традиционные разъяснения по поводу объема и содержания понятия, Циммерманн добавляет характерное уточнение: определение должно не только перечислять признаки понятия (составные части его материи), но и указывать способ их связи. Указание же объема понятия будет полным лишь тогда, когда перечислены все понятия без исключения, в которых лежит содержание делимого понятия. Например, объем, полученный в результате деления понятия $F(a, b)$, должен соответствовать формуле

$$F(a, b, c) + F(a, b, d) + F(a, b, e) + \dots + F(a, b, z) = \Sigma U[F(a, b)].$$

К сожалению, использованная здесь необычная и, прямо скажем, новаторская формализация не применяется в следующих разделах учебника, при изложении теорий суждения и умозаключения. Тем не менее здесь впервые (если не считать метод вариации представлений Больцано) функционально-подобные соображения используются для формализации логических теорий. Разумеется, мы не находим здесь даже близко такой тщательно разработанной теории логических функций, как у Фреге. Функциональная запись в логике Циммермана не более чем способ представления формы понятия, при этом «аргументом» такой функции выступают элементы содержания. Подобный способ изложения теории понятия продолжения и широкого применения не получил, хотя выделение в понятии формы и содержания было использовано некоторыми авторами в Австрии, например Г. Линднером и М. Дрбалом (о чем — ниже), и псевдофункциональный способ представления формы понятия так и остался уникальным прецедентом.

Вернемся к некоторым соображениям, связанным с теорией предмета. Еще один «больцанистский пережиток» на страницах этого учебника можно усмотреть

в рассуждениях о простых и сложных понятиях. Он считает очевидным, что должны иметься простые понятия подобно тому, как в химии есть простые субстанции. Проблемность установления простых понятий кроется в том, что простые понятия не идентичны простым мыслительным актам. Более того, простота понятия не идентична простоте предмета [Zimmermann 1860: 26].

Вместе с тем введенный выше предмет понятия не участвует в построении определений и не сказывается на изложении ни одной традиционной темы. К вопросам, связанным с теорией предмета, автор вновь обращается лишь во втором томе пропедевтики, т. е. не в логике, а в эмпирической психологии. В частности, в первом ее разделе, посвященном представлениям, он пытается классифицировать предметы представления на чувственные и нечувственные, причем призывает не путать с последними сверхчувственные (метафизические формы, идеи и т. п.) [Zimmermann 1860: 185–186]. Но невозможных предметов он уже не упоминает — ни в логике, ни в психологии.

Отдельного внимания заслуживает вероятностная логика Циммермана. С одной стороны, она не выдерживает сравнения с логическим анализом вероятности Больцано, которое тот же Циммерман воспроизводил в первом издании «Формальной логики». С другой стороны, стоит вспомнить, что на момент публикации второго издания единственным (не считая Больцано) прецедентом рассмотрения вероятностей в логике были соответствующие главы в «Формальной логике» А. де Моргана и «Законах мышления» Дж. Буля, причем последние вышли всего за шесть лет до второго издания «Пропедевтики» Циммермана, и, прямо скажем, все еще не вызвали интенсивного интереса. Кажется, на тот момент только Буль и Де Морган читали друга, а больше никто.

В разделе, посвященном теории суждения, Циммерманн анализирует основания значимости различных видов суждений. Подлинные законы природы выражаются синтетическими априорными суждениями. При этом они могут познаваться и через индукцию, но их обоснование должно носить априорный характер. Если же речь идет только об индуктивном обобщении, то мы имеем дело с эмпирическими законами. В последнем случае и уместна вероятностная оценка.

Эмпирические законы природы зависят от числа случаев, в которых они подтверждаются. Если оно совпадает с числом наблюдений, то закон не знает исключений. Если же имеются исключения, то можно оценить отношение между благоприятными и неблагоприятными исходами наблюдений. Если число благоприятных исходов обозначить через m , неблагоприятных — через n , то общее число случаев будет $(n + m)$, и $m / (n + m) = \mu$ выражает отношение числа случаев, в которых закон имеет силу, к общему числу случаев. Соответственно, если $n = m$, то $\mu = 1/2$, если $m > n$, то $\mu > 1/2$, если $m < n$, то $\mu < 1/2$. Первый случай соответствует сомнению, второй — правдоподобию, третий — неправдоподобию. Если число случаев известно, то эти оценки могут выражаться численно. Например, если в семье три сына, с двумя из которых мы знакомы и они очень похожи друг на друга, то предложение «все сыновья в этой семье похожи друг на друга» является правдоподобным с $\mu = 2/3$, если

же в семье четыре сына, то $\mu = \frac{1}{2}$ и предложение становится сомнительным, а если сыновей пять, то оно уже неправдоподобно [Zimmermann 1860: 58–59].

Истолкованная подобным образом вероятность инкорпорируется в теорию модальностей. Сначала заметим, что Циммерман критикует кантовскую таблицу категорий на том основании, что в ней происходит скачок в делении. Суждения должны сначала классифицироваться по своим внутренним свойствам, т. е. в зависимости от вида субъекта (по количеству), предиката (по качеству) и отношения между ними (по отношению). И лишь после этого должно идти деление по их «отношению к субъекту, выносящему суждение» [Zimmermann 1860: 40], результатом чего и будут модальности. Таким образом, модальность трактуется Циммерманном как «степень уверенности, с которой утверждается связь двух понятий в суждении» [Zimmermann 1860: 62]. Вероятность, по Циммерману, это модальность, занимающая промежуточное положение между необходимостью и невозможностью. Пожалуй, вероятностная логика Циммермана представляет собой уникальный прецедент адаптации вероятности к традиционной логике. Оценивать возможные перспективы этого предприятия можно по-разному, но прискорбный факт состоит в том, что подобный подход никем не был подхвачен и продолжен, он так и не стал примером для подражания.

Добавим несколько слов о непосредственном влиянии, оказанном логическим учением, представленном во втором издании «Пропедевтики» Циммермана. По крайней мере два учебника были написаны австрийскими гимназическими учителями «по горячим следам», следуя второму изданию «Формальной логики» Циммермана как образцу. Это учебник формальной логики Г. А. Линднера [Lindner 1861] и «Пропедевтическая логика» М. А. Дрбала [Drbal 1865].

Учебник Линднера выдержал 14 изданий (последнее появилось в 1922 г.). В полном соответствии с тезисами Гербарта и Циммерманна он настаивает, что логика должна держаться подальше от психологии и лингвистики, но в отличие от них не чурается цитировать по этому поводу Канта. Среди прочих Линднер воспроизводит следующие тезисы Циммермана: 1) представления — предмет психологии, но понятия — предмет логики; 2) содержание понятия характеризуется материей и формой, при этом повторяется тезис Циммермана о бесформенности простых понятий; 3) к объективной значимости мыслей относится не только формальная правильность, но материальная истина; 4) гипотетическая трактовка категорического суждения.

Линднер уподобляет логику алгебре в том отношении, что обе не принимают во внимание особенностей предмета, поэтому «логику можно назвать алгеброй понятий». Но это не более, чем метафора, никаких попыток алгебраизации логики Линднер не предпринимает. Различение содержания и предмета проводится не так акцентированно, но постоянно присутствует, при этом, как и у Циммермана, оно не используется существенно, как «предметность» у Больцано. Некоторым своеобразием, но в рамках принципов, разделяемых гербартианством, отличается трактовка экзистенциальных высказываний.

Учебник Дрбала выдержал не менее четырех изданий. На титульном листе всех изданий присутствует посвящение Циммерману — «Учителю и другу». Этот учебник отличается большей упрощенностью изложения, но воспроизводит различие

признаков и предмета представления, а также материи и формы понятия. Что же касается попыток применить функциональную символику, то она время от времени использовалась в литературе, но в учебниках логики так и не закрепились. Это же, повторимся, относится и к циммермановскому опыту вероятностной логики.

4. Заключение

Таким образом, Роберт Циммерман положил начало теории предмета двояким образом. В первом издании «Философской пропедевтики» (1853) впервые озвучиваются тезисы философской теории предмета, которая получила развитие и более полное выражение в исследованиях К. Твардовского и А. Мейнонга. Именно в этом учебнике впервые заходит речь о «невозможном предмете». Во втором его издании (1860) проводится различие содержания и предмета понятия. Хотя это сделано несколько невнятно и не получило развития в других разделах, использование таких характеристик при изложении теории понятия стало общепринятым в австрийских учебниках и монографиях по логике. В этом отношении учение Brentano об интенциональном предмете, которое начало преподаваться в Вене во второй половине 1870-х годов, вошло в своеобразный резонанс с данным установлением, уже ставшим обычным и привычным. Кроме того, второе издание учебника в целом послужило образцом при написании большинства учебников логики в Австрии. Все эти учебники, пусть и в ослабленном и, возможно, иногда не вполне адекватном виде, транслировали ряд ключевых идей философии и логики Больцано, переплетая их с принципами философии Гербарта. Выпускники гимназий обширной Австрийской, а затем Австро-Венгерской империи начиная с середины XIX в. знакомились с логикой по учебникам Циммермана или по учебникам, созданным по его образцу. Это в значительной степени обусловило как особенности австрийского стиля философствования, так и специфику логических исследований в Австрии, более тесно связывавших логику с онтологией, с общей теорией науки, в той или иной форме содержавшей теорию предмета.

ЛИТЕРАТУРА

- Лисанюк 2012 — Лисанюк Е. Н. Предмет логики и логическая теория предмета // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. 2012. Вып. 1. С. 16–22.
- Микиртумов 2015 — Микиртумов И. Б. Формальная теория предмета Эрнста Малли // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. 2015. Вып. 1. С. 30–38.
- Черноскотов 2010 — Черноскотов Ю. Ю. Развитие теории предмета в австрийской логике XIX в. и становление современной логики // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2010. Т. 9, № 1. С. 83–96.
- Bolzano 1837 — Bolzano B. Wissenschaftslehre // Sulzbach in der I. E. v. Seidelschen Buchhandlung. 1837. Bd 1.
- Chernoskutov 2013 — Chernoskutov Yu. Yu. Logic and Object Theory in 19th century: from Bolzano to Frege // Логические исследования. 2013. № 19. С. 10–22.

- Drbal 1865 — *Drbal M. A.* Lehrbuch der propädeutischen Logik. Zum Gebrauche für den Gymnasial-Unterricht und zum Selbststudium durch Beispiele, Aufgaben und Figuren leicht fasslich dargestellt. Wien: Braumüller, 1865. 174 S.
- Lindner 1861 — *Lindner G.* Adolf. Lehrbuch der formalen Logik. Graz: Lehkamis Erben, 1861. 100 S.
- Morscher 1997 — *Morscher E.* Robert Zimmerman — der Vermittler von Bolzanos Gedankengut? Zerstörung einer Legende // Beiträge zur Bolzano-Forschung. Bd 6: Bolzano und die österreichische Geistgeschichte. Sankt Augustin: Academia-Verlag, 1997. 278 S.
- Stachel 1998 — *Stachel P.* «Ein Kapitel der intellektuellen Entwicklung in Europa...» Theorienbildungen in der Wiener Moderne und ihre Wurzeln in den österreichischen Traditionen philosophischen Denkens im 19. Jahrhundert // Rinofner-Kreidl Sonja (Hrsg.). Zwischen Orientierung und Krise. Zum Umgang mit Wissen in der Moderne, Wien-Köln-Weimar 1998 (Studien zur Moderne 2). Wien: Böhlau Verlag, 1998. 520 S.
- Strümpell 1847 — *Strümpell L.* Entwurf der Logik. Leipzig: Verlag von G. U. Reyher, 1846. 110 S.
- Zimmermann 1860 — *Zimmermann R.* Philosophische Propädeutik. 2 Aufl. Wien: Braumüller XVI, 1860. 416 S.
- Zimmermann 1853 — *Zimmermann R.* Philosophische Propädeutik. 2 Bd: Formale Logik. Wien: Braumüller, 1853. 121 S.